

М.А. ЧЕРНЯК

(Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия)

УДК 821.161.1-3
ББК Ш5(2Рос=Рус)-32

ЭХО СЕРАПИОНОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОЗЫ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Аннотация: В статье рассматриваются закономерности социокультурных и эстетических переключек двух литературных процессов – начала 1920-х гг., периода становления литературной группы «Серрапионовы братья», и современного литературного процесса (на примере направления «новый реализм»).

Ключевые слова: современная литература, «новый реализм», литературная группа «Серрапионовы братья», литературный проект.

Недавно исполнилось 90 лет со дня основания литературной группы «Серрапионовы братья» и 10 лет со дня открытия Форума молодых писателей в Липках. Есть ли связь между этими столь разными для истории литературы событиями? На первый взгляд, конечно, нет. Однако это повод к размышлению об определенных социокультурных закономерностях.

Литературу конца XX – начала XXI вв., так же как литературу 1920-х гг., часто называют в какой-то степени «переходной» – от жестко унифицированной подцензурной советской литературы к существованию литературы в совершенно иных условиях свободы слова, изменения роли писателя и читателя, утере «литературоцентризма». Поэтому оправдано частое сопоставление с литературным процессом 1920-х гг.: ведь тогда так же нащупывались новые координаты движения литературы.

Грустные мысли Е. Замятина, высказанные в статье «Я боюсь», о том, что «у русской литературы одно только будущее – ее прошлое»¹, звучат актуально и в наше время.

Процесс литературной эволюции – это изменение художественной орбиты, спор с традицией, смена культурных кодов. Индекс социальных перемен не может не учитываться при определении литературной аксиоматики «переходных эпох». Многие созвучные современности идеи можно обнаружить в статье И.Н. Розанова «Ритм эпох. Опыт теории литературных отталкиваний», в которой высказывается справедливая мысль, что для литературного развития *движение* – единственный неизменный выигрыш: «Переходные эпохи – это буфера: они

¹ Замятин Е. Избранные произведения: В 2 т. – М., 1990. Т. 2. С. 348.

ослабляют удар при отталкивании. Отталкиваясь от отцов, которые, в свою очередь, оттолкнулись от дедов, сам становишься в каком-то отношении ближе к дедам, чем к отцам, а прапрадеды становятся ближе прадедов»². В переходные эпохи предельно обобщаются фундаментальные основы уходящей культуры и совершаются прорывы в будущее, поисковый характер эпохи отражается на всех уровнях культуры.

Необходимо отметить, что родство с литературными 20-ми ощущают многие современные писатели. Так, В. Шаров пишет: «Я думаю, что генетически всего ближе мы к литературе 20-х – начала 30-х гг.: тогда начиналось то, свидетелями конца чего нам суждено быть. <...> Мы не только кончаем, завершаем то, что они начали, не только дописываем их книгу: им самим говорим, как, чем она завершится, – мы и очень похожи на то поколение своим ощущением жизни»³. Т. Толстая, говоря о своей прозе, тоже помещает ее в контекст артистической поэтики 1920-х гг.: «Проза 20-х годов дает ощущение полупустого зала. Это принципиально новая проза – стиль, лексика, метафорика, синтаксис, сюжет, построение – все другое, все меняется, появляются сотни возможностей, и лишь малая часть их осуществляется. Вот к этой литературе, к этой только начавшей развиваться традиции у меня лежит сердце. Там, в развалинах этой недостроенной поэтики, могут таиться клады... И как-то очень легко представить себе, что был в это время еще один писатель, о котором никто ничего не знает, который ни строчки не напечатал, а потом он умер, и все, кто его знал, тоже умерли, и дело его осталось несделанным. Читайте, что я за него»⁴.

Действительно, литературный процесс 1920-х гг. был периодом обновления различных видов и жанров художественного творчества, периодом рождения новых форм, выработки, по словам Ю.Н. Тынянова, «нового художественного зрения».

В начале 1920-х гг. литературная карта России резко изменила свои очертания. Революция стала своеобразным “мифопорождающим устройством”, на смену мифологемам, рожденным на глубине русской истории и культуры, пришли новые мифы, возникшие под влиянием идеи об идеологическом переустройстве мира. Рождались не только новые мифы, но и новый тип писателя, который принципиально отличался от поэтов и писателей серебряного века. В 1920-е гг. в литературу стремительно ворвалось совершенное новое поколение писателей (появилось около 200 новых имен), главным университетом которых, как позже скажет М. Зощенко, стали опыт и книги.

² Розанов И. Литературные репутации: Работы разных лет. – М., 1990. С. 18.

³ Современная проза глазами прозаиков. Материалы круглого стола // Вопросы литературы. 1996. № 1. С. 198

⁴ Толстая Т. Интервью // Литературная газета. 1986, 23 июля. С. 6.

Творческие поиски «серапионов» находились в средоточии эксперимента 1920-х годов и отражали неоднородность историко-литературного бытия. Казалось, само появление этой группы было продиктовано временем. Так, Л. Троцкий в книге «Литература и революция» писал: «"Серапионовы братья" – это молодежь, которая живет еще выводком. <...> В целом они наряду со многими другими признаками знаменуют возрождение литературы»⁵.

Стремительность социокультурных трансформаций начала XXI века, резкое изменение роли писателя и читателя в обществе, снижение читательской компетенции требовало, как и в 1920-е, ответа на вопрос: как жить литературе нового века. С одной стороны, звучали эпатажные слова молодых участников литературного процесса, утверждавших: «Если век назад футуристы пытались сбрасывать классиков "с парохода современности", то сегодня никого не нужно сбрасывать. Для поколения, рожденного в восьмидесятых, литература как бы началась с чистого листа»⁶; «главная особенность современной литературной молодости – в абсолютном отсутствии рефлексии по отношению к прошлому»⁷. С другой стороны, стартовали проекты «Дебют» и Форум молодых писателей.

Осенью 2001 г. Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ, возглавляемый С.А. Филатовым, при содействии ведущих литературных журналов открыл первый Форум молодых писателей в подмосковных Липках, собрав молодых поэтов, прозаиков и литературных критиков. За десять лет слово «Липки» для творческой молодежи стало нарицательным. По словам И.Ю. Ковалевой, одного из организаторов форумов, в литературу вошло «первое "непоротое" поколение, не испытывавшее родовых мук обретения свободы, с молодым азартом принялось исследовать самые потаенные движения своей души, самые неприкасаемые события, не боясь противопоставить свое "я" всему и всем»⁸. Подобно тому, как в Доме Искусств, знаменитом ДИСКе, открытом Горьким в послереволюционном Петрограде, зародилась группа «Серапионовы братья», в Липках стремительно начала создаваться литературная среда «нулевых годов», спорная и противоречивая. Как правило, с новым поколением писателей входит в литературу и поколение критиков. Так, рядом с «серапионами» был В. Шкловский и др. формалисты. Одним из критических «рупоров» молодых «липкинцев» стала В. Пустовая, многие статьи которой вос-

⁵ Троцкий Л. Литература и революция. – М., 1991. С. 89.

⁶ Свириденков М. Ура, нас переехал бульдозер! Разбор полетов современной прозы // Континент. № 125. 2005. С. 431

⁷ Пустовая В. Диптих // Континент. 2005. № 125. С. 420

⁸ Ковалева И.Ю. Новые писатели или новая литература? // Вопросы литературы. 2010. № 5. С. 116.

принимаются, как манифесты: «Нас воспитывали три бабушки: толстые журналы, интеллигенция и русская классика. И нас растили – помнить. В начале двухтысячных мы бредили возрождением страны как личной миссией, на языке литературной и социальной мифологии прошлого пытаюсь выразить вдохновлявший нас ясный и требовательный импульс обновления. <...> Мы призваны были продемонстрировать, что время бабушек не ушло, что их сказки не только помнят – по ним живут»⁹.

Стержневой идеей нового поколения стал так называемый «новый реализм». В 2001 г. была опубликована вызвавшая широкую дискуссию статья-манифест С. Шаргунова «Отрицание траура»¹⁰, в которой он размышляет о роли писателя, дает негативную оценку современному постмодернизму, а также «идеологическим кандалам», и в конце статьи провозглашает: «Я повторяю заклинание: новый реализм!». Стилистически, эмоционально и интонационно статья Шаргунова отсылает к статье Л. Лунца «Почему мы “Серапионовы братья”». Если Лунц объяснял специфику объединения серапионов в литературную группу, то Шаргунов декларировал необходимость «нового реализма». Но объединяет этих двух разных писателей двух разных времен, безусловно, стремление создать совершенное иное литературное пространство. Ср.:

Л. Лунц
«Почему мы
“Серапионовы братья”»

Мы назвались «Серапионовыми братьями» потому, что не хотим принуждения и скуки, не хотим, чтобы все писали одинаково, хотя бы и в подражание Гофману.

У каждого из нас свое лицо и свои литературные вкусы, у каждого из нас можно найти следы самых различных литературных влияний. «У каждого свой барабан», – сказал Никитин на первом нашем собрании.

Произведение должно быть органичным, реальным, жить своей особой жизнью... Не быть копией с

С. Шаргунов
«Отрицание траура»

Молодой человек инкрустирован в свою среду и в свою эпоху, свежо смотрит на мир, что бы в мире до того ни случилось... старший брат раскатисто похохатывает над беспомощным отцом (традиционная литература), но младшенький не желает смеяться. Грядет смена смеха. Грядет новый реализм.¹¹

Почва – реальность. Кони – люди. Вглядимся. Среди пышно многоцветья – бутон реальности.

⁹ Густовая В. В четвертом Риме верят облакам // Знамя. 2011. № 6. С. 187.

¹⁰ Шаргунов С. Отрицание траура // Новый Мир. 2001. № 12. С. 148.

¹¹ Новая русская критика. Нулевые годы. – М., 2009.

натуры, а жить наравне с природой.

Реализм – роза в саду искусства. Я повторяю как заклинание: новый реализм! В прозу возвращаются ритмичность, ясность, лаконичность. Явь не будет замутнена, сгинет саранча, по-новому задышит дух прежней традиционной литературы. Надо сказать просто: литература неизбежна.

Значит, ни с кем? Значит – болото? Значит – эстетствующая интеллигенция? Без идеологии, без убеждений, наша хата с краю?.. Нет. У каждого из нас есть идеология, есть политические убеждения... Так в жизни. И так в рассказах, повестях, драмах. Мы же вместе, мы – братство – требуем одного: чтобы голос не был фальшив. Чтоб мы верили в реальность произведения, какого бы цвета оно ни было.

Однако именно в новых идеальных условиях прозе некуда податься, кроме как в реализм (от будущей поэзии надо ждать акмеистских ноток и возрастания сюжетности). Как понимание «тщеты» придает личности дикие силы, способствует безоглядной энергичности, так и отмирание идеологий и социальных схем эстетизирует высвободившуюся реальность. Реальность опять внешне привлекательна, и чешуя ее вспыхивает солнечно.

К литературе «нового реализма» критики причисляют С. Шаргунова, Д. Новикова, А. Бабченко, З. Прилепина, Д. Гуцко, А. Карасева, И. Мамаева, Д. Орехова, В. Орлову, А. Снигирева, И. Денежкину и др. Необходимо подчеркнуть, что старт всех этих молодых авторов начался именно на липкинских Форумах, что позволяет говорить о некой «кастовости» этого явления (так, например, к «новому реализму» не относят вошедших в литературу почти одновременно А. Иванова, А. Геласимова, Вс. Бенегсена и др.). Кроме того, яркое позиционирование себя и своей принадлежности к «новому реализму», постоянное манифестирование идей, яростные споры о новой литературе говорят, скорее, о том, что это вариант существования литературной группы.

Спор об этом термине идет вот уже десять лет. Если критики старшего поколения, как, например, А. Латынина, утверждают, что «новый реализм» явление вовсе не новое, да и скучное по своей сути, так как повторяет всё то, что уже было ранее: «Читать Прилепина, Шаргунова или Василину Орлову – это вам не сквозь Борхеса, замешанного на всей мировой культуре, пробираться, не набоковскую “Аду” расшифровывать и даже не Пелевина комментировать»¹², то идеологи этого направления наделяют его чуть ли ни мессианской ро-

¹² Латынина А. Манифестация воображаемого // Знамя. 2010. № 3. С. 112.

лю: «Новый реализм занят исключительным, а не общепринятым, не статистикой, а взломом базы данных о современном человеке. Новый реализм видит в человеке “правду” боли, слабости, греха, но отображает его в масштабах Истины, в рамках которой человек не только тварь, но и творец, не только раб, но и сам себе освободитель. В произведении нового реализма сюжетообразующим фактором часто становится энергия личности героя»¹³; «новый реализм – это литературное направление, отмечающее кризис пародийного отношения к действительности и сочетающее маркировки постмодернизма (“мир как хаос”, “кризис авторитетов”, акцент на телесность), реализма (типичный герой, типичные обстоятельства), романтизма (разлад идеала и действительности, противопоставление “я” и общества) с установкой на экзистенциальный тупик, отчужденность, искания, неудовлетворенность и трагический жест. Это не столько даже направление как единство писательских индивидуальностей, а всеобщее мироощущение, которое отражается в произведениях, самых неодинаковых по своим художественным и стилевым решениям»¹⁴.

Эпитет «новый» по отношению к произведениям молодых авторов звучит часто. Так, например, критики называют прозу Р. Сенчина («Елтышевы») новой социальной прозой о маленьком человеке, прозу А. Бабченко («Алхан-Юрт»), А. Карасева («Запах сигарет») и З. Прилепина («Патология») новой военной прозой, произведения Г. Садулаева («Я – чеченец») – новой национальной прозой, повести Н. Ключаревой («Россия: общий вагон») новой антиутопией, а произведения И. Мамаевой («Земля Гай») – новой деревенской прозой. Правда, именно этот эпитет становится предметом дискуссий, даже самих так называемых «новых реалистов». Так, например, Д. Гуцко, лауреат Букеровской премии 2005 г., с иронией отмечает: «Как ни крути, но магическим прилагательное “новый” стало не так давно, в обществе потребления. Производители компьютерного софта выбрасывают на рынок новые версии программ, в которых нов, быть может, только цвет кнопочек. Немудреная, но ведь действенная стратегия. Срабатывает она, как оказывается, и в литературной критике. Крикнул “новый” – полезай в корзину, дома разберемся. “Новый реализм” <...> это такой специальный загон, аттракцион под названием “литературная коррида”: здесь каждый может заколоть быка, которого привел с собой, – постмодерниста, не-нового реалиста. Это еще и такая портативная кафедра, которую можно разложить в любом удобном месте и высказаться об уровне духовности, о нравственных началах, о цинизме

¹³ Пустовая В. Пораженцы и преображенцы // Октябрь. 2005. № 5. С. 123.

¹⁴ Ганиева А. Не бойся новизны, а бойся пустозвонства // Знамя. 2010. № 3. С. 140.

нового / старого (нужное подчеркнуть) поколения»¹⁵. Эта же мысль звучит и в статье критика О. Лебедушкиной: «Бесконечно выкрикиваемые «манифесты» и «декларации» чего-то там «нового» окончательно растеряли даже внешние признаки какой бы то ни было новизны. <...> Этого-то повторения витков – что в литературе, что в жизни – и бойшься. Другой вопрос, что там, где читателю, у которого память подлиннее, мерещится заевшая пластинка истории, другим представляется абсолютная новизна, на деле оказывающаяся пустотой на месте тектонической трещины»¹⁶. Во многом это связано с культурной оторванностью от литературной традиции. Не случайно герою повести С. Чередниченко «Потусторонники» кажется, что он живет «между XIX веком и пустотой». «Серapiоны» тоже считали себя поколением революции, которая убрав массу «старых» фигур, расчистила перед ними литературное пространство, благодаря чему они приобрели возможность совсем молодыми энергично войти в литературу и быстро стать «классиками». Однако есть справедливость и в словах М. Чудаковой: «Родившаяся от литературного «Дома Искусств», группа «Серapiоновы братья» в своей оппозиционности оказалась, в сущности, временным образованием, возникшим не из естественного хода жизни, а – вне ее»¹⁷.

Общество у нас разобщенное, а призвание искусства – объединительное. Литературная жизнь стремится к восстановлению своей культурной среды – она необходима, со всеми ее плюсами и минусами, борьбой, признанием и разочарованием»¹⁸, – эти слова могли бы прозвучать и в 1921 г., но сказаны в 2011. Принадлежат они бывшему политику, а ныне руководителю Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ С. Филатову. Часто Липки называли «проектом»¹⁹, причем не только литературным, но и политическим. Этому послужили и серьезные финансовые и административные ресурсы, и встречи в Липках не только с известными писателями и деятелями культуры, но и с политиками, и, конечно, приглашение молодых «липкинцев» (Д. Гуцко, З. Прилепина, И. Мамаевой, Г. Садулаева, И. Ко-

¹⁵ Гуцко Д. Высоконравственная затея // Вопросы литературы. 2007. № 4. С. 178.

¹⁶ Лебедушкина О. Реалисты-романтики // Дружба Народов. 2006. № 11. С. 190.

¹⁷ Чудакова М. Опыт историко-социологического анализа художественных текстов. На материале литературной позиции писателей – прозаиков первых послереволюционных лет // Чудакова М.О. Литература советского прошлого. – М., 2001. Т. 1. С. 98.

¹⁸ Филатов С. Планета “Липки” // Знамя. 2010. № 10. С. 171.

¹⁹ Кстати, серapiонов современники тоже считали «проектом». Так, в 1922 г. М. Кузмин писал: «Эти молодые и по большей части талантливые люди, вскормленные Зямятиным и Виктором Шкловским (главным застрельщиком “формального метода”) образовали литературный трест, может быть, и характерный как явление бытовое» (М. Кузмин. Условности. Статьи об искусстве. – Пг., 1923. С. 163-164.)

чергина, В. Пустовой и др.) 16 февраля 2007 г. на встречу с В. Путиным. Тогда впервые из уст президента прозвучала мысль о госзаказе: «Она (литература – М.Ч.) может быть либо совсем элитарной – и это тогда просто кружок, как “Зеленая лампа”, для узкого круга лиц, или она должна быть коммерческой – и тогда она должна быть интересной. Или это должно быть в рамках госзаказа и тогда государство должно определить приоритеты, что государству важнее и на что оно будет готово тратить деньги, как оно формулирует этот свой интерес»²⁰.

Эта ситуация корреспондирует к началу 1920-х гг., когда создавалась группа «Серапионовы братья» и когда власть искала механизмы для создания новой послереволюционной литературы. На этом фоне заслуживает внимания возникновение такого литературного проекта как журнал «Красная новь», с которым активно сотрудничали серапионы. Редакторская политика журнала четко обозначена в письме главного редактора журнала А. Воронского: «В противовес “старикам”, почти сплошь белогвардейцам и нытикам, – я задался целью <...> “вывести” в свет группу молодых беллетристов наших или близких нам. <...> Против “стариков” я организую молодежь»²¹. В начале XXI века молодые писатели-«новореалисты» стали постоянными авторами «толстых литературных» журналов и ежегодных выпусков «Новые писатели России».

Значимым оказывается то, что представители «нового реализма» создают не только и не столько художественный текст, но в большей степени – текст жизни; они спорят, манифестируют, декларируют, создают образ, творят миф. В чем-то эта стратегия тоже напоминает послереволюционные двадцатые годы. Так, например, Н. Иванова очень точно пишет о выборе псевдонима З. Прилепиным: «Железное имя, з-х-р! Хрип, агрессия, рычание, злость. И потом помягче: пр-л-п-н. Без «р» было бы сладко, а с двойным «р» псевдоним хорошо раскатывается: З-х-р-пр-л-пн. Стрижка наголо, сходство с Гошей Куценко, фенечки на шее... Обложки книг брутальному облику вполне соответствуют. И закрепляют этот образ в сознании купившего. Ботинки, водка, да еще горячая голова-банка на обложке, готовая к вскрытию, плюс неполиткорректное название последней книги – образ готов к употреблению. Плюс к мифу – национал-большевизм, ОМОН *et cetera*».²² В этом Н. Иванова видит не создание «поэтического мифа», а, по В.Н. Топорову, «обожествленную память коллектива», т.е. запрос общества на

²⁰ Запись передачи «Ищем выход» // URL: [http://www.echo.msk.ru/ programs/ exit/49739.phtml](http://www.echo.msk.ru/programs/exit/49739.phtml).

²¹ *Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и следования.* – М., 1983. С. 534.

²² *Иванова Н. Писатель и его миф.* - URL: www.openspace.ru/project/authors/126.ru.

яркость биографии, миф, личное участие. «Больше автобиографизма! Больше «я» – меньше «их»! Больше мелькать, меньше молчать»²³, – вот своеобразная стратегия молодых литераторов. В своей работе 1925 г. «О современной русской прозе» В. Шкловский, размышляя о современной ему литературе, в том числе и о серапионах, высказал очень интересную и актуальную до сих пор мысль о закономерной смене художественных форм, их эволюции: «Изменение произведений искусства может возникнуть и возникает по неэстетическим причинам, например, потому, что на данный язык влияет другой язык, или потому, что *возник новый социальный заказ* (выделено мной – М.Ч.). Так неосознанно и эстетически неучитываемо в произведении искусства возникает новая форма, и только затем она эстетически оценивается, теряя в то же время свою первоначальную социальную значимость и свое доэстетическое значение»²⁴.

Трансформация поля литературы не только интуитивно переживалась как серапионами, так и «новыми реалистами», но и порождала специфические формы рефлексии в художественных произведениях. Б.В. Томашевский в известной статье 1923 г. «Литература и биография» выделял два типа писателей: «с биографией» и «без биографии». Представители первого типа всей своей жизнью вольно или невольно создают определенный миф, который во многом обуславливает понимание, создаваемого ими творчества. Так называемые «биографические легенды» являются «литературным осмыслением жизни поэта, осмыслением, необходимым как осязаемый фон литературного произведения, как та предпосылка, которую учитывал сам автор, создавая свои произведения». Писателей «без биографии», по мнению Томашевского, с середины XIX века значительно больше, нежели представителей первого типа. «Произведения писателей «без биографии» замкнуты в самих себе. Ни одна черта их биографии не проливает никакого света на смысл их произведений». Томашевский отмечает, что «у этих писателей есть своя – житейская биография. В эту биографию, как житейский факт, входит и их писательская деятельность. Но это биография частного человека, может быть и интересная для историка культуры, но не для историка литературы»²⁵.

Если писатели «без биографии» стали сегодня чуть ли не основными участниками литературного процесса, работающего в значительной степени по законам рынка и массовой культуры, то представители «нового реализма» настаивают именно на яркой личной биографии (военное прошлое у З. Прилепина, Д. Гуцко, А. Бабченко,

²³ Там же.

²⁴ Шкловский В. Гамбургский счет. – М., 1990. С. 196.

²⁵ Томашевский Б. Теория литературы. Поэтика. – М., 2000. С. 88.

А. Карасева, участие в политике у С. Шаргунова и т.д.). Не случайно это поколение сами себя назвали «поколением действия», «спецназовцами духа»²⁶.

В прозе «новых реалистов» можно встретить примеры осмысления различных способов достижения литературного успеха и изменений стратегий писателей. Основная проблематика книг может быть сведена к комплексу вопросов: какова судьба писателя в этом мире? какую цену нужно платить за право видеть мир «своими глазами»? что такое литературный успех? какими средствами автор может получить тот самый «символический капитал» (по Бурдьё), который позволяет обрести славу, власть, деньги? Совершенно очевидно, что наиболее эффективной для воплощения данной модели является жанровая формула биографии (зачастую выступающая в своей разновидности – автобиографии) как одного из наиболее популярных жанров массовой литературы. Показателен в этом отношении последний роман С. Шаргунова «Книга без фотографий».

Одним из первых проводником в среду обитания молодых писателей выступил Р. Сенчин в повести «Вперед и вверх на севших батареях», в которой описывается жизнь начинающего прозаика (участие в форуме молодых литераторов в Липках и книжной ярмарке в Берлине, мелочное соперничество, семейные ссоры, творческие амбиции, мучительный творческий процесс). В романе А. Снегирева «Тщеславие» описывается механизм современного производства молодых писателей, безусловно, отсылающий к тем же Липкам и семинарам молодых писателей в Переделкине. Остроумный рассказчик Дима Козырев решает вернуть бросившую его девушку, победив в литературном конкурсе «Золотая Буква», и отправляет жюри написанные с помощью друзей рассказы. Финалисты собираются на неделю в историческом писательском доме отдыха «Полянка». Примеры так называемых «романов литературного успеха»²⁷ доказывают, что в прозе нулевых складывается целый ряд сюжетно-тематических конструкций, в которых для воспроизведения и разрешения определенного конфликта ценностей всякий раз используются одни и те же герои, одна и та же среда действия и один и тот же тип сюжета. Узнаваемость событий и героев в произведениях Сенчина и Снегирева дает основание говорить о некоем облегченном варианте филологического «романа с ключом», отсылающего, например, к роману В. Каверина «Скандалист, или Ве-

²⁶ Об этом размышляют собеседники З. Прилепина. См. сборник интервью с писателями XXI в.: *Прилепин З. Именины сердца. Разговоры с русской литературой.* – М., 2009.

²⁷ См. об этом: *Рейтблат А. «Роман литературного краха» в русской литературе конца XIX – начала XX века // От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы.* – М., 2009. С. 317-329.

чера на Васильевском острове», литературная атмосфера 1920-х годов в котором передана достаточно точно.

Заслуживает внимания в какой-то степени парадоксальная точка зрения одного из самых ярких представителей «нового реализма» З. Прилепина:

«Некоторое время назад я часто говорил о странных свойствах современности: ее почти невозможно описывать в художественной реалистической литературе, не отступаясь в памфлет или в пошлость. Смотрите, уверенно повторял я, в 20-е годы прошлого века русский писатель мог ввести в текст фамилию “Троцкий”, слово “нэпман” и слово “продразверстка”. Но если в современном художественном тексте появляются “Ельцин”, “новый русский” и “приватизация”, сразу начинается какая-то пакость – читать это не хочется совершенно»²⁸. Тем не менее, именно в отражении сегодняшнего дня во всем его противоречивом многообразии и состоит значение этого спорного и еще не дописавшего свою страницу в истории литературы нового века поколения. Л. Лунцу из-за раннего ухода не удалось подвести некоторые итоги существования группы «Серапионовы братья». С. Шаргунов, спустя десять лет, утверждает, что «уверенно выдвинувшись на первый план, пришла литература, обещанная «Отрицанием траура». <...> И в прозе – читателю дали черный хлеб. Бунт молодежи, опыт войны, тюрьма, маленький город и забытая деревня – ко всему этому, пожалуй, подходит один знаменатель: «Народничество». Литература начала предьявлять те простые и грубые темы, которые, казалось бы, рядом, стоит руку протянуть. Но каждая тема затрагивает всякий раз отдельную среду, пусть среды и пересекаются. Это то, про что долго почти ничего не писали и о чем значительная часть литературной публики имеет смутные представления. По сути, эксклюзив»²⁹. Эксклюзив ли это, или очередной повтор в истории литературы, или плохо / хорошо выученные уроки серапионов – покажет будущее.

²⁸ Прилепин З. Срослось. Опять распалось // Огонек. 2009. № 17. С. 45.

²⁹ Шаргунов С. Читателю дали черный хлеб. - URL: <http://www.nowaygazeta.ru/data/2011/075/27.html>.

